

DOI: 10.15643/libartrus-2022.5.5

«Под тошный шумок макинтоша»: об одном слове в русской прозе Владимира Набокова

© Л. А. Каракуц-Бородина

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034 г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

Email: karakuz@list.ru

Статья посвящена слову макинтош в русскоязычных произведениях В. Набокова. Изложены количественные наблюдения (Набоков – лидер по употреблению этого слова в русскоязычном корпусе); сделан обзор моментов истории макинтоша как предмета одежды, разобраны ассоциативные компоненты образа макинтоша – от предмета роскоши до знака интеллигентной бедности, – и элементы визуального образа макинтоша, представленные в произведениях Набокова. Проанализированы основные механизмы создания образов с помощью слова «макинтош» (метонимия и каламбур) и его роль в набоковском поэтическом тексте: оно работает в составе аллитерации. Разнообразие переводческих решений, возникающих в связи со словом макинтош в переводах, создает впечатление о пристрастии Набокова к этому слову из-за его игрового потенциала. Взаимодействие макинтоша как предмета, образа макинтоша и слова макинтош в жизни и произведениях В. Набокова создает своеобразный узор.

Ключевые слова: Набоков, корпус, частотность, образ, метонимия, каламбур, версификация, перевод.

На слово «макинтош» у Набокова читатель обращает внимание интуитивно. Вероятнее всего, это происходит при знакомстве с первым романом писателя «Машенька» (1926), где макинтош упомянут в сильной позиции текста – в финале [1, с. 69]: *И когда поезд тронулся, он <Ганин> задремал, уткнувшись лицом в складки макинтоша, висевшего с крюка над деревянной лавкой.*

До этого момента читатель узнает, что макинтош у Ганина *старый*, что куплен *за один фунт у английского лейтенанта в Константинополе*; расставаясь с Людмилой, Ганин *побренчал монетами* в его кармане. Макинтош становится заметной деталью образа Ганина, что подчеркнуто в экранизации (реж. Т. Павлюченко, 1991): до момента, когда «включаются» воспоминания, в кадре темноволосый персонаж в темном пальто. Светлый макинтош (с широкими, вероятно, по моде эпохи создания фильма, плечами) – рифма к светлым воспоминаниям о России (в этих сценах одежда и волосы у Ганина светлые) и контрастом к новой, трагической внешности персонажа.

Обращение к слову, обозначающему предмет одежды, открывает заманчивые исследовательские перспективы разного свойства: исторического, культурного, социального, семиотического, как это блистательно осуществлено, например, у О. Б. Вайнштейн [5], – но мы сосредоточимся главным образом на лингвистической стороне вопроса.

1. Количественные наблюдения. Обращение к НКРЯ показывает, что по употреблению слова *макинтош* Набоков несомненный лидер в основном корпусе (1804–2019): из 377 вхождений на 168 документов на набоковский подкорпус приходится 49 вхождений в 16 документах (11.86% от общего количества употреблений слова); второй в рейтинге автор, Андрей

Ростовский, следует с большим отрывом (7%); так дело обстоит потому, что его подкорпус представлен единственным романом криминального жанра «По законам волчьей стаи» (2000), и Макинтош – кличка персонажа. Следующий автор в рейтинге – Фазиль Искандер (25 употреблений, или 6.05%), но столь значительная доля вхождений образуется потому, что в кн. 2 «Сандро из Чегема» фигурирует картина «Трое в синих макинтошах», и с нею связана важная коллизия романа. Таким образом, этими двумя строками рейтинга можно пренебречь; далее авторы следуют со значительным отрывом (от 3.15%).

Если же работать только с корпусом художественных текстов, ограниченным при этом периодом 1926–1967 (эти рамки мы задали, ориентируясь на первый набоковский русскоязычный текст в корпусе («Машенька») и последний («Лолита»)), получаем картину еще более показательную: Набоков лидирует с 41.74% *макинтошей* (второе место делят Валентин Катаев и Галина Николаева: 7.83%).

Примечательную информацию дает частотный словарь [11]: у слова *макинтош* высокий коэффициент Жуйана, который характеризует равномерность распределения частот в разных сегментах корпуса (D) – 72, что позволяет говорить о достаточной значимости слова для большого числа предметных областей. Для сравнения: D слов-синонимов *пальто* – 90, *плащ* – 91. Между тем в набоковском подкорпусе НКРЯ *пальто* встречается 164 раза, – но вот *плащ*, почти абсолютный синоним *макинтоша*, столь часто соответствующий ему в переводах, представлен значительно меньшим количеством употреблений – 38. Согласно словарю, ipm (instances per million words, среднее на миллион словоупотреблений) слова *макинтош* предсказуемо низок (1.3) (ср. *пальто* – 48.6, *плащ* – 27.7), а при подсчете ipm *макинтоша* по набоковскому подкорпусу НКРЯ получаем 54.39. Таким образом, *макинтош* – не случайное слово, приписанное к узкой предметной области, а достаточно широко употребительное, но при этом низкочастотное; В. Набоков действительно использует его в среднем чаще слов-синонимов и с определенно большей охотой, чем другие авторы.

2. Макинтош: моменты истории. Макинтош – пальто прямого покроя с небольшим отложным воротником, которое традиционно шилось из прорезиненной ткани: изобретенный в 20-х гг. XIX в. шотландским химиком Чарльзом Макинтошем вследствие случайности (проводя очередной опыт, Макинтош испачкал рукав пиджака раствором каучука и вскоре заметил, что ткань стала водонепроницаемой), он некоторое время (до появления технологии вулканизации, которая позволила сделать изделия легче и мягче и исключить «таяние» в жару) оставался экзотикой; потом распространился как одежда для дождливой погоды, затем стал частью униформы железнодорожников, полицейских, военных, а после, уже на рубеже XIX и XX вв., получил широкое распространение в мужской одежде в разных странах, что нашло отражение в художественных и публицистических текстах.

Ср., например: *The rain continued to pour down, and we sat, wrapped up in our mackintoshes...* (Jerome K. Jerome. *Three Men in a Boat (To Say Nothing Of The Dog)* (1889)); *He hung his mackintosh and hat on the rack...* (Jack London. *The Burning Daylight* (1910)); *В последний раз Павлов приехал в родной город за год до смерти* (следовательно, речь о 1935 г. – Л. К.-Б.). *Он шел по улице в черном макинтоше и черной шляпе, а жители, прильнув к окнам, говорили вслед: «Смотрите, это Павлов идет на кладбище»* (Леонид Двойнин. *Отеческий дом академика Павлова*).

В СССР знаковой вещью макинтош стал для послевоенных лет: *Мое первое воспоминание о Давиде относится к 1950 году... Я помню широченный серый габардиновый макинтош по моде того времени, в котором Дэвик, казалось, тонул, высокую шляпу, очки и мягкую улыбку*

(Татьяна Болеславская. Дэвик); *За месяц он одел ее: купил широкий модный песочного цвета макинтош, шубу, обуви три пары и кучу всякого тряпья, от которого она обезумела, опьянела, каждый час меняя кофточку или юбку* (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы).

Британское происхождение макинтоша позволило использовать его как знак принадлежности к англо-саксонской культуре:

Полупоходная манчестерская куртка,

Ботинки – два солидных утюга,

Как зебра, полосатый макинтош,

Портфель под мышкой, трубка меж зубов... (Саша Черный. Американец (1923)), – или к вообще шикарному, «буржуазному», образу жизни:

Ножки плэдом закутайте дорогим, ягуаровым,

И, садясь комфортабельно в ландолете бензиновом,

Жизнь доверьте Вы мальчику, в макинтоше резиновом,

И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым –

Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!.. (И. Северянин. Кэнзели.

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом... (1911)).

Именно такой, метонимической, логикой продиктовано возникновение этого слова в двух очень разных контекстах, которые во многом определили его более позднюю популярность в нашей стране:

За макинтош их звали макинтошники,

Очкариками звали – за очки.

Да, звали. И не только дурачки.

А макинтош был старый и холодный,

И макинтошник – бедный и голодный

Гриппозный, неухоженный чудак (Б. А. Слуцкий. Интеллигенты получали столько же... (1959–1961));

Я с детства был испорченный ребенок, – боже ж мой!

На папу и на маму не похож.

Я женщин обожал уже с пеленок – ша!

Жора, поддержи мой макинтош! («Блатная» песня Константина Беляева, исп. Аркадий Северный (1973, «Программа для Госконцерта»)).

Можно видеть, что в эпоху оттепели макинтош выступает метонимией интеллигентской бедности (в связи, вероятно, с тем, что этот предмет одежды достается от старшего поколения), а в эпоху застоя – знаком принадлежности к миру спекулянтов.

Частое использование фасона в военной форме сообщило образу макинтоша и определенную политическую значимость: *И куда мрачнее распространяются кожанки, одежда летчиков и комиссаров; плащи-макинтоши, знаковый атрибут тайных агентов...* (Георгий Дерлугьян. Чисто империалистическое самоубийство (2014)).

Возможно, эта ассоциация восходит к истории с поступившими в СССР по ленд-лизу кожаными пальто, которые якобы предназначались водителям, но использовались высшим составом (либо и предназначались ему) [8]. Предполагала плащи-макинтоши и немецкая форма: «В числе символов Третьего рейха – зловещие черные длиннополые плащи. В Вермахте и Ваффен-СС предпочитали плащи цвета фельдграу. Кожаный плащ – вещь дорогая, доступная только высокопоставленным негодям, так что их подчиненные в силовых формированиях

Третьего рейха носили плащи из прорезиненной ткани. С марта 1944 года производство кожаных плащей было прекращено из-за нехватки кожи, но плащи из прорезиненной ткани производились и дальше» [4]. Добавим, кожаные макинтоши тех лет до сих пор продаются на «Авито».

Несомненно, благозвучие слова для русского уха: привычное к торговым маркам, производным от легко опознаваемой как шотландская фамилии Макинтош (интерьерный стиль Макинтош, компьютеры «Macintosh»), оно хорошо воспринимает слово, к примеру, в качестве литературных псевдонимов; так, на сайте Stih.ru представлены *Бэра Макинтош*, *Макинтош-Лизунок* и *Макинтоша*.

Итак, в периоды, совпадающие с активной творческой деятельностью писателя Набокова, макинтош по разным причинам был достаточно популярен в СССР, Европе и Америке, что нашло отражение в текстах разных жанров.

3. Макинтош в гардеробе Владимира Набокова. Систематизируя свидетельства о гардеробе Набокова О. Смирнова утверждает, что макинтош переключался на страницы набокловских романов из его собственного гардероба: «Были у Набокова и шляпы, и пенсне на черном шнурке, и макинтош (куда без него!), который он из раза в раз вставлял в свою прозу» [14]. Вот сообщение об этом современника (1927): «А. Б. Элькин... вспоминает: „Я отлично помню Сирину на любительской постановке его пьесы «Человек из СССР». ...В ответ на вызовы публики автор появился на сцене – стройный, худощавый, молчаливый, едва улыбающийся. Появился в тонком макинтоше“ (BCNA (Vladimir Nabokov Archives // The W. Henry and A. Albert Berg Collection of English and American Literature. The New York Public Library). Letters to and from miscellaneous correspondents. 1925–1976. 12 ноября 1964)» [2, с. 579].

4. Образ макинтоша у Набокова. Из произведений Набокова читатель узнает много о возможном устройстве макинтоша:

Макинтош был сложный, и для устройства пояса требовалось некоторое время («Подвиг»); он бывает также просторный («Случай из жизни»); с модными нашивками на плечах («Соглядатай»); блестящий, черный («Приглашение на казнь»), оливковый («Соглядатай»), синий (*blue mackintosh*) («Ада»); желтый («Человек из СССР») – в последнем случае предположим упрощенное представление о песочном: классические модели макинтоша производятся в сдержанных цветах. Отдельные контексты фиксируют внимание на фактуре материала (прорезиненной ткани или кожи), ощущаемой на слух: *шелестящий* («Наташа»), *хрустящий* («Венецианка»). *Прозрачный пластиковый* макинтош покупает Лолите Гумберт.

В силу технологии производства макинтош – вещь долговечная; его носят подолгу: так, Ада появляется в *давно уж не модном, перетянутом пояском макинтоше* (*an unfashionable belted mackintosh*). На страницах набокловской прозы встречаем макинтош *потрепанный* («Звонок»); *потасканный* («Встреча»), *старый* («Машенька»; дважды).

В романе «Ада» отмечено одно из типичных для Набокова окказиональных слов-сложений (телескопизмов [7, с. 58–59]) «*гарботош*» (*макинтош, туго перетянутый пояском*) (пер. С. Ильина) / *Cordula, who wore a 'garbotosh' (belted mackintosh)*. Это слово-сращение: «The name alludes to the mackintosh Swedish-born film actress Greta Garbo (1905–1990) wore in her first talking-picture role, as the title character in *Anna Christie* (1930), adapted by Frances Marion from the play of that name by American playwright Eugene O'Neill (1888–1953), directed by Clarence Brown. *Anna Christie* is a reformed prostitute and man-hater. A photograph of Garbo in mackintosh with turtle-neck sweater underneath dominates the most widely-used poster for the film» [16].

Таким образом, набоковские контексты позволяют читателю позднейшей эпохи восстанавить зрительный образ макинтоша в разных его вариациях.

5. Образные функции. Уже в «Машеньке» макинтош оказывается символом нерусскости, личности, под которой приходится скрываться эмигранту:

А по улицам, ставшим широкими, как черные блестящие моря, в этот поздний час, когда последний кабак закрывается, и русский человек, забыв о сне, без шапки, без пиджака, под старым макинтошем, как ясновидящий, вышел на улицу блуждать, – в этот поздний час, по этим широким улицам, расхаживали миры друг другу неведомые, – не гуляка, не женщина, не просто прохожий, – а наглухо заколоченный мир, полный чудес и преступлений.

Эта противопоставленность макинтоша русскому пальто подчеркивается позднее в «Отчаянии»: *К нам подошли двое мизерных господ – один в синем макинтоше, другой в русском пальто с облезлым барашковым воротником...* Далее здесь макинтош вписывается в синекдоху, столько важную для Набокова с его «полюсом определенности» – по замечанию Е. Г. Белусовой [3, с. 11], она заставляет вспомнить Гоголя, у которого тоже вещи часто живут отдельно от их хозяев, замещают их: *Макинтош развел руками, а барашковый проговорил басом...*

Проще, но тоже в духе метонимической образности – употребление слова в значении указателя на соответствующие погодные условия: *We may picture her, a thin tall figure in a blue mackintosh (the weather was overcast and unfriendly)...* Представим себе высокую худощавую фигуру в синем макинтоше (погода хмурая и неприветливая)... (The Real Life of Sebastian Knight (1938) / Истинная жизнь Себастьяна Найта (А. Долинин, М. Мейлах, 1991).

К политическому образному ряду [13] относится единственное употребление Набоковым этого слова в поэтическом тексте:

Но детина в регалиях или
волк в макинтоше,
в фуражке с немецким крутым козырьком,
охрипший и весь перекошенный,
в остановившемся автомобиле –
или опять же банкет
с кавказским вином –
нет (О правителях : «Вы будете (как иногда...)» (1944)).

Возникает очень точный зрительный образ (хотя, вероятно, крут не козырек, а тулья офицерской фуражки Третьего Рейха). Разница политических программ, как это подчеркивается в стихотворении, в макинтоше нейтрализуется: сама принадлежность к власти, силовым структурам составляет часть ассоциативной ауры прорезиненного или кожаного пальто с отложным воротником.

Именно метонимией оказывается в трактовке Набокова джойсовский коричневый макинтош. Известно, что сам Набоков усматривал в этом образе камею автора [12, с. 408]. Однако имеется и еще одна трактовка, относящаяся именно к роду одежды; тоже метонимическая: «Another mythological possibility is that he represents Theoclymenos in the book's Homeric connections. Theoclymenos is the one in the Odyssey who predicts that the suitors of Penelope will all die. They laugh at his predictions, thinking he is crazy, but Theoclymenos is proven right. Is the macintosh a bad joke along these lines? The man wears a macintosh because he is predicting rain, even though no one else is dressed for it. They all think it odd to be wearing a macintosh, but in the end, he is right, and seems to be the only one in Dublin properly dressed for the day?».

Наконец, в эссе «Николай Гоголь» Набоков цитирует гоголевский «Рим» (отрывок из незавершенного романа «Аннунциата»), где упоминается *длинный неподвижный англичанин в гороховом непроницаемом макинтоше*. Набоков снабжает перевод *some lank stiff Englishman who sports a greenish brown waterproof mackintosh* замечанием в скобках: *[literal translation]* – вероятно, полагая безвкусной тавтологию: макинтош и обязан быть «непроницаемым».

Таким образом, слово *макинтош* организует у Набокова различные образы – преимущественно метонимические и каламбурные.

6. Соображения о версификационном потенциале слова. Обращает на себя внимание финальная позиция слова в атрибутивном сочетании в примерах из наивной поэзии (соображения о ее статусе изложены в [9]):

*В деревянный макинтош¹,
В саван медленно оденут
Скажут: «Как же он хорош»,
Слезы пустят непременно.*

– вполне типичная для русской поэзии [6, с. 15], идеальна и слоговая структура слова, обеспечивающая частотный пропуск ударения на 3 стопе в 4-стопном ямбе.:

*Усну в заботе о тебе...
Приснится медный грош.
На этот грош пошью тебе
Я серый макинтош.
Ты в нем хорош,
Ты в нем пригож
И свеж твой цвет лица,
Ведь этот серый макинтош
С тобою до конца...*

Здесь в качестве рифм возникают ожидаемые краткие формы прилагательных с основой на -ж-/-ш-.

Одной из целей Набокова, согласно М. Ю. Лотману [10], является преодоление линейности противопоставления стиха и прозы. Попытка этого преодоления – знаменитый пассаж из «Дара», статус которого спорен: либо это гекзаметр, что подвергает сомнению исследователь, называя «совершенно невразумительной записью» строку *шаг ее тяжкий под тошный шумок макинтоша отнес*, либо метрическая проза в духе Белого (11 дактилических стоп подряд): «шаг ее тяжкий под тошный шумок макинтоша отнес мимо двери на кухню пудовую сетку с продуктами» – но и это очевидная отсылка к гекзаметру. Оксюморон при этом составляет здесь синхронность не только прозаического и стихотворного, но и высокого (собственно гекзаметр или его подобие) и низкого (бытовая тема), а также соседство в одной строке торжественной инверсии адъективно-субстантивного сочетания (*шаг ее*) и прямого порядка слов (*тошный шумок*). Именно вокруг слова *макинтош* выстраивается аллитерация. Есть ощущение, что позднее и Ф. Искандера привлек звукописный потенциал слова: *...я продолжу свой рассказ об Андрее и его картине «Трое в синих макинтошах». Когда черная машина, низко прошуршав, остановилась, не доезжая несколько метров до перекрестка...* («Сандро из Чегема», кн. 2 (1989)).

¹ В настоящей статье мы сознательно избегаем разговора об идиоме *деревянный макинтош*: у Набокова она не отмечена.

В поэтическом корпусе НКРЯ нам удалось обнаружить лишь один пример использования этого потенциала:

*Люди падают,—
значит,
гололедица, лед.*

*Макинтошами машем,
держась за дома.*

Только в городе нашем

столь смешная зима (Б. П. Корнилов. Последний день Кирова: «Скоро девять, пожалуй...» (1935)).

7. Слово *макинтош* у Набокова и переводческие решения. Абсолютно последовательно *макинтош* передается как *mackintosh* только в переводе «Машеньки» Майкла Гленни («Maгу»). В собственно набоковских (или в соавторстве с сыном Дмитрием) переводах на английский практически везде выбором становится *raincoat*. Справедливо и обратное: при переводе на русский «Лолиты» сам Набоков выбирает *макинтош* в качестве эквивалента для *raincoat*: *a transparent raincoat* → *прозрачный пластиковый макинтош*; *Ritochka enveloped her sinuous nudity in my raincoat* → *Риточка облекла свою гибкую наготу в мой макинтош*.

Еще один вариант, используемый Набоковым в переводах, – *trench*: хотя исторически это принципиально разные типы верхней одежды, оба они связаны с униформой, что, вероятно, обеспечивает совпадение их образов в бытовом сознании: *...вскоре затем ушел, широкоплечий, слегка все-таки сутулый, в макинтоше, без шляпы* («Василий Шишков» (1940)) → *...and shortly afterwards left, broad-shouldered yet a little stooped, trench-coated, hatless* («Beneficence» (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1975)). Этой же логике следует при переводе на русский С. Ильин: *He wore a trench coat and a beret, his dark face was twitching* (Look at the harlequins! (1974)) → *Он был в макинтоше, в берете, темное лицо его дергалось* (Смотри на арлекинов! (1999)).

Используется в автопереводах при передаче слова макинтош также и опущение: Она, не вставая, принялась вылезать из рукавов **макинтоша**... (Камера обскура (1932))/Without bothering to stand up she began to **wriggle out of the sleeves**... (Laughter in the dark (Vladimir Nabokov, 1938–1960)).

Логика переводов слова макинтош в произведениях Набокова на другие языки неоднородна. Например, в итальянских текстах вне зависимости от того, перевод это с оригинального текста или с английского перевода (а именно так, в виде перепереводов, существует по-итальянски бóльшая часть набоковских романов русского периода), всегда выбирается *impermeabile* (непромокаемый плащ). Польский перевод «Лолиты» (Michał Kłobukowski, 1997) демонстрирует большое разнообразие переводческих решений: *plaszcz, plaszcz od deszczu, prochowiec* (пыльник), *plaszcz nieprzemakalny*. Схожая картина и в чешском переводе (Pavel Dominik, 1991): *plášť, pláštěnka* (плащик), *pršák* (дождевик), *kabát* (пальто); использует переводчик и опущения: *svíraje v kapse pistoli* (with my gun in my fist in my raincoat pocket/сжимая кольт в кулаке, засунутом в карман **макинтоша**).

Владимир Набоков ушел из жизни незадолго до создания компанией «Apple», чьим логотипом был выбран абрис яблока, ее знаменитого компьютера «Macintosh» («Mac»), название которого обыгрывало название сорта яблок, поименованного в честь селекционера Джона Макинтоша (McIntosh) [15]. Это название случайно совпало с фамилией (Macintosh) автора

случайного же сделанного изобретения – прорезиненного плаща (mackintosh). Набоков, вероятно, мог бы одобрить эту игру – не столько языковую, сколько жизненную, – как и тот факт, что эти строки я пишу на компьютере «Apple MacBook», – по-набоковски случайный, но в контексте жизненного узора по-набоковски же значительный. Макинтош у Набокова – одно из частотных слов, редких в целом для русского языка; оно регулярно становится «нервом» выразительных образов – в основном метонимического характера; оно весьма привлекательно фонетически и служит версификационным целям. Игра – важнейшее основание набоковской поэтики, и макинтош – слово с большим игровым потенциалом: звукописным, каламбурным, метонимическим.

Автор выражает глубокую признательность М. С. Рыбиной за ценные замечания, высказанные при подготовке статьи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 92565342).

Литература

1. Арнольд И. В. *Стилистика. Современный английский язык*. М.: Наука, **2002**. 384 с.
2. Бабинов А. Примечания // Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. СПб.: Азбука-классика, **2008**. С. 539–638.
3. Белоусова Е. Г. Принцип «сдвига» как стилевая доминанта «Защиты Лужина» В. Набокова // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. **2004**. №1. С. 8–12.
4. Буряк А. *Эстетика национал-социализма*. URL : <http://bouriac.ru/ANS/ANS0020.htm>.
5. Вайнштейн О. Б. *Денди: мода, литература, стиль жизни*. М.: НЛО, **2021**. 640 с.
6. Гаспаров М. Л. Лингвистика стиха // Гаспаров М. Л. *Избранные труды*. Т. IV. Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. М.: Языки славянской культуры, **2012**. С. 11–22.
7. Каракуц-Бородин Л. А. *Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста*. Уфа, **2003**. 192 с.
8. Климов Г. *Песнь победителя*. Краснодар: Пересвет, **2004**. 688 с.
9. Лейбов Р. Г., Орехов Б. В. Между политикой и поэтикой: топика Крыма в современной русскоязычной наивной лирике // *Шаги/Steps*. **2022**. Т. 8. №2. С. 205–232.
10. Лотман М. А та звезда над Пулковом... Заметки о поэзии и стихосложении В. Набокова // *Владимир Набоков: pro et contra*. СПб.: РХГИ, **2001**. Т. 2. С. 213–226.
11. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. М.: Азбуковник, **2009**. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
12. Набоков В. *Лекции по зарубежной литературе*. М.: Независимая газета, **2000**. 512 с.
13. Накарякова А. А. Творчество Владимира Набокова: политический аспект // *Политическая лингвистика*. **2015**. №1(51). С. 193–200.
14. Смирнова О. Как одевался Владимир Набоков. GQ. 22.04.2021. URL: <https://www.gq.ru/style/odetsya-kak-vladimir-nabokov>.
15. Соколов Б. В. *Стив Джобс. Человек-легенда*. М.: Алисторус, **2016**. 320 с.
16. Ada Online. <http://www.ada.auckland.ac.nz/index.htm>.

Поступила в редакцию 23.09.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.5.5

“Pod toshnyii shumok makintosha”: on the one word in Vladimir Nabokov’s Russian prose

© L. A. Karakuts-Borodina

St. Petersburg State University

11 Universitetskaya Embankment, 199034 Saint Petersburg, Russia.

Email: karakuz@list.ru

The paper is devoted to the study of the word mackintosh in the Russian-language works of Vladimir Nabokov. Quantitative observations are presented (Nabokov is the leader in the use of this word throughout the Russian-speaking corpus); an overview of the moments of the history of the mackintosh as a garment is made, historically variable associative components of the image of the mackintosh are considered – from a luxury item to a sign of intelligent poverty. The elements of the mackintosh visual image presented in Nabokov’s works (design, condition, typical colors) are considered as well. The main mechanisms of creating images using the word “mackintosh” are analyzed: metonymy and pun. In Nabokov’s poetic text, this word is also significant: it can work as a part of alliteration. The variety of translator’s solutions that arise in connection with the word mackintosh in various translations of Nabokov’s texts also gives the impression of Nabokov’s predilection for this word by reason of its play potential. The interaction of the mackintosh as an object, the image of the mackintosh and the word mackintosh in the life and texts of Vladimir Nabokov creates a peculiar pattern.

Keywords: Nabokov, corpus, frequency, image, metonymy, pun, versification, translation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Karakuts-Borodina L. A. “Pod toshnyii shumok makintosha”: on the one word in Vladimir Nabokov’s Russian prose // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 5. Pp. 364–372.

References

1. Arnol'd I. V. *Stilistika. Sovremennyyi angliiskii yazyk [Stylistics. Modern English]*. Moscow: Nauka, 2002.
2. Babikov A. Primechaniya. Nabokov V. Tragediya gospodina Morna. P'esy. Lektsii o drame. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. Pp. 539–638.
3. Belousova E. G. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2004. No. 1. Pp. 8–12.
4. Buryak A. *Estetika natsional-sotsializma*. URL : <http://bouriac.ru/ANS/ANS0020.htm>.
5. Vainshtein O. B. *Dendi: moda, literatura, stil' zhizni [Dandy: fashion, literature, lifestyle]*. Moscow: NLO, 2021.
6. Gasparov M. L. Gasparov M. L. Izbrannyye trudy. T. IV. Lingvistika stikha. Analizy i interpretatsii. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012. Pp. 11–22.
7. Karakuts-Borodina L. A. *Yazykovaya lichnost' Vladimira Nabokova kak avtora khudozhestvennogo teksta [Linguistic personality of Vladimir Nabokov as an author of a literary text]*. Ufa, 2003.
8. Klimov G. *Pesn' pobeditelya [Song of the winner]*. Krasnodar: Peresvet, 2004.
9. Leibov R. G., Orekhov B. V. *Shagi/Steps*. 2022. Vol. 8. No. 2. Pp. 205–232.
10. Lotman M. *Vladimir Nabokov: pro et contra*. Saint Petersburg: RKhGI, 2001. Vol. 2. Pp. 213–226.
11. Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)*. Moscow: Azbukovnik, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
12. Nabokov V. *Lektsii po zarubezhnoi literature [Lectures on foreign literature]*. Moscow: Nezavisimaya gazeta, 2000.
13. Nakaryakova A. A. *Politicheskaya lingvistika*. 2015. No. 1(51). Pp. 193–200.
14. Smirnova O. Kak odevalsya Vladimir Nabokov. GQ. 22.04.2021. URL: <https://www.gq.ru/style/odetsya-kak-vladimir-nabokov>.
15. Sokolov B. V. *Stiv Dzhobs. Chelovek-legenda [Steve Jobs. Legendary person]*. Moscow: Alistorus, 2016.
16. Ada Online. <http://www.ada.auckland.ac.nz/index.htm>.

Received 23.09.2022.